

Женщины Франции борются за свои права. На снимке: шесть женщин — жен рабочих и служащих города Нанта направляются вместе с детьми к зданию префектуры для того, чтобы потребовать повышения заработной платы их мужьям, улучшения условий труда и быта. Снимок из французского журнала «Фам француз»

Десять лет назад

Анна КАРАВАЕВА

Десять лет назад я присутствовала на Международном женском конгрессе в Париже, где была основана Международная демократическая федерация женщин. Горько и грустно видеть Париж. Версаль, парижские памятники после страшных, черных лет оккупации. Но, несмотря на то, что мы видели Версаль заброшенным, несмотря на то, что всюду мы видели великую нужду народа, мы видели также и нечто глубоко радостное. Француженки, с которыми я разговаривала на Международном женском конгрессе, все дружно повторяли мне, что они очень многого за это время поняли. О чем говорили они?

О понимании своих общественных, политических и нравственных задач. В самом деле, только что закончилась война, и, оказывается, надо не только торжествовать великую победу, — надо еще и бороться за мир! Если не бороться за это сокровище, то оно может ускользнуть из рук человечества.

Это понимание жизни было одним из тех больших новых чувств, которые появились у французских женщин, да и у женщин-демократок других стран в первый же день мировой войны.

Из многочисленных встреч, которые были у меня на конгрессе, особенно запомнились мне встречи с французской женщиной, именем которой я не знаю, средних лет бледной птенчикой в черном, которую я сначала приняла за вдову. Она показала мне фотографию своей сестры, престарелой девушкой лет семидесяти, и рассказала о ее судьбе. Еще за несколько дней до вторжения гитлеровцев во Францию эта девушка жила «в розовых мечтах», в нетерпеливом предчувствии счастья. Скоро должна была состояться ее свадьба с офицером французской армии. И хотя в газетах уже появлялись немало сообщений о грозных событиях, которые заставляли сильно сжиматься сердца миллионов французских, хороших, счастливых молодых девушек смеялась в разговор, что с таким счастьем, как у нее, она сильнее всех и явнее не боится. «Но, боже мой, какая же ждала судьба!» — сказала мне ее сестра.

Женщин девушки был убит на фронте. Спасаясь от вторгшегося во Францию врага, сестры металась из одного маленького городка в другой, пока в одной из уличных обвалов младшую не схватили гитлеровцы, и девушка исчезла навсегда. После долгих мытарств и поисков старшая сестра узнала, что ее милая сестренка погибла. «Но, поверьте, — заключила моя собеседница свой рассказ, — не только это ужасно, а — как же мы были слепы в жизни! Пока моя бедняжка мечтала о своем

счастье, кто-то уже готовил пещи, чтобы сжечь ее!»

Нельзя забыть атмосферы конгресса — его торжественности, приподнятости, энтузиазма. Он происходил в зале Мюсталите на улице Сен-Виктор. Пестрели флаги разных государств. Во всю стену распростерлась огромная карта, сделанная из разноцветных кусков шелка и вышитая руками французских рукодельниц, и на этой карте ярко пламенили очертания Советского Союза. И всюду белели сидят голубя мира.

Одну из самых ярких речей против фашизма, против его жестокостей и зверств произнесла Долорес Ибарури. И когда с трибуны конгресса было провозглашено на весь мир, что создана массовая, насчитывающая в своих рядах 80 миллионов человек Международная демократическая федерация женщин, зал разразился овацией, длившейся несколько минут. Делегаты обнимали друг друга, обменивались рукопожатиями, это был воплотивший торжественный момент в жизни матерей человечества.

«Зачем же нам сейчас выяснять, по каким вопросам мы не сходимся? Важнее констатировать, что мы сходимся в основном. В вопросе о войне и мире», — сказал Н. С. Хрущев в одной из своих речей, произнесенных в Париже. Я считаю, что федерация работает на основе этой доброй формулы. Женщины самого различного общественного положения, национальности, религиозной принадлежности и т. д. объединяет страстное желание сохранить драгоценное сокровище — мир. Сейчас МДФЖ насчитывает уже 200 млн. женщин и распространяет свое влияние на женщин 80 стран мира.

Можно с полной уверенностью сказать, что за минувшие десять лет женщины приняли самое активное участие во всех мероприятиях сторонников мира. Не так давно я беседовала с гостей из Индии. «Для каждого советского человека», — сказала она мне, — стремление к миру так естественно, органично, как кровообращение, без которого человек не мог бы ни жить, ни дышать, ни двигаться».

Мне, одной из участниц того исторического собрания, когда создавалась Международная демократическая федерация женщин, чрезвычайно радостно вспомнить, что эти десять лет пролипли с большой пользой для дела мира во всем мире.

ПРАЗДНИК ЖЕНЩИН ВСЕГО МИРА

1 декабря более чем в семидесяти странах будут отмечать десятилетие Международной демократической федерации женщин. Подобно Всемирной федерации профсоюзов и Всемирной федерации демократической молодежи, МДФЖ образовалась после окончания второй мировой войны. Это отнюдь не случайное совпадение. Развязанная фашизмом война причинила людям всей земли страдания и вызвала повсюду разрушения, каких до сих пор не знал мир; тяжкие испытания в одиночку не выдержали ни солдаты и мирное население, ни женщины и дети. Народы, естественно, стремились отыскать то средство, которое могло бы предотвратить подобные катастрофы в будущем. Верные памяти своих боевых друзей, которые сражались с ними плечом к плечу или томилась вместе с ними в концентрационных лагерях, отдавали свою жизнь за возвращение на землю мира и справедливости, трудящиеся всех стран, женщины и молодежь осознали, что только массовый протест широких народных кругов может явиться действенным препятствием на пути к новой войне.

Разумеется, состоявшийся в 1945 году в Париже Международный женский конгресс не был первой встречей женщин, которые хотели помешать развязанию войны. Но на этом конгрессе впервые собрались представительницы 80 миллионов женщин из 40 стран. Большинство делегатов составляли женщины самого различного общественного положения, испытанные борцы против сил фашизма. Многие из них неоднократно подвергались серьезной опасности.

Основная Международная демократическая федерация женщин, они взяли торжественное обязательство защищать права женщин, бороться за создание условий, необходимых для счастливой жизни детей, за обеспечение всем народам прочного мира.

Эжени КОТТОН,
председатель МДФЖ

Международная демократическая федерация женщин с удовлетворением отмечает деятельность Антифашистского комитета советских женщин, много раз убедительно продемонстрировавшего эту дружбу, пригласив в Советский Союз сотни женских делегаций из всех стран мира.

Все мероприятия Международной демократической федерации женщин отсчитали чаяниями и пожеланиями миллионов женщин. В 1952 году Международная демократическая федерация женщин оказала широкую поддержку созыву Международной конференции в защиту детей.

Каждый конгресс, созываемый по инициативе Международной демократической федерации женщин, являлся важным этапом в развитии нашей организации. В 1948 году — в Будапеште, в 1953 году — в Бюенос-Айресе, наконец в 1955 году — в Лозанне можно было ясно видеть рост авторитета и притягательной силы МДФЖ. В Бюенос-Айресе, как известно, была принята Декларация прав женщин, и тогда многие женщины и женские организации, не входящие в МДФЖ, выразили желание сотрудничать с нашей федерацией. Лозанна показала плодотворность этого сотрудничества. Участники Всемирного конгресса матерей в Лозанне единодушно приняли решение создать Постоянный комитет матерей с участием женщин и представительниц различных женских организаций.

В Китае и в Южной Америке, в Канаде и в Индии, в Африке и в Европе, в Индонезии и на Ближнем Востоке — повсюду МДФЖ оказывает женщинам всех убеж-

Женщины-депутаты Всекитайского собрания народных представителей. На снимке (слева направо): Вэй Сюйнин, У Чжи-чжень (национальность Мяо), Мин Со-фэн (национальность Бун). Снимок агентства Синьхуа

дений и взглядов твердую поддержку и вдохновляет их на дальнейшую работу. Широкий рост и развитие международного женского движения привнесли нечто новое в сложившуюся международную ситуацию.

МДФЖ рассматривает день своего десятилетия, как праздник солидарности и дружбы женщин всего мира. Гордятся одаженными победами, она будет еще более активно и настойчиво отстаивать столь дорогие всем матерям цели — счастье семей и торжество мира.

Из индийской народной поэзии

Я тебе, буйвол мой,
Плут куплю золотой
И впридачу ярмо золотое,
Ты паш, не ленись,
Будем сеять мы рис,
Золото жниное.

Ну, чего же ты стал?
Или очень устал?
Без тебя мне не сдвинуть плуга.
Ты паш, не ленись,
Будем сеять мы рис,
Ты мой друг, и нет лучше друга.

Ты паш, не ленись,
Будем сеять мы рис,
Будем оба с тобой сыты,
И тебе я потом
Новый выстрою дом,
Где не будут кусать москиты.

Вино по реке на закате
Моя лодка плывет.

Ветер затих,
Волны стали красной,
Чем рубины;

Там, где река
Совершает крутой поворот,
Видю я дом из оранжевой глины.

На берегу, на зеленой траве,
Чье это сушит синея сари?
Видю моя лодка плывет по реке.

Волны красной, чем рубины, стали.
Вечерние тени, прыгнувшие,
По склонам скользят.

Стихи азиаты из книги «Встреча с моим народом» (1951 г.) известного индийского фольклориста Девендра Сатхартти, собранные более 300.000 образцов народной поэзии Индии и переведенные часть из них на английский язык.

Храм на горе. Сосывая народ,
В колокол бьют. Догорает закат.
Вино по реке моя лодка плывет.

Чья это дочь по тропинке идет
За водой?

Браслеты звенят на ногах
Звонко-звонко.
Я смотрю на нее и не знаю, что стало
Со мной.

Вино по реке на закате плывет моя
Лодка...

Я смотрю на нее в свете красной зари.
Глаз не в силах никак оторвать я.
Как мне больно, что прочь,
По течению вино,

Моя лодка плывет на закате.

В полночь пряди на лесную поляну,
Мой милый.

Месяц-фонарик в небе зажег я,
Ждать тебе стану, глаз не сойму я.

В полночь пряди на лесную поляну,
Мой милый.

Сказку за сказкой, одну за другою
Каплям-росянкам рассказывать стану.

Ждать тебе буду, глаз не закрою.
В полночь пряди на лесную поляну.

Если ж сама я усну на траве,
Как росника,
Пусть мне приснится ночная лесная
Тропинка.

И по тропинке идешь ты ко мне.
Месяц-фонарик горит в вышине.

В полночь пряди на лесную поляну,
Мой милый.

Перевел Н. РАЗГОВОРОВ

Гарри Шварц в затруднении

Газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала несколько статей Гарри Шварца о его поездке по Советскому Союзу.

Что же пишет о нас Шварц, который считается в «Нью-Йорк таймс» специалистом по России? В прошлом он не написал доброго слова о нашей стране. Всегда, неизменно Гарри Шварц черпал и изужал внешнюю и внутреннюю политику СССР, жизнь в Советском Союзе. Недавно он увидел Советскую страну своими глазами.

В статьях Шварца заслуживают внимания не его взгляды, — они известны, — а те своеобразные «творческие» трудности, с которыми он столкнулся. Ведь он писал много лет одно, а увидел другое.

Затруднения Шварца начались с первого дня путешествия. Раньше он утверждал, что Советский Союз отгородился от других стран «железным занавесом». Но стоило только ему, Гарри Шварцу, попросить разрешения на въезд в СССР, как он его получил.

Шварц писал раньше, что в Советской стране нет свободы личности, свободы общения и вся жизнь проходит под контролем «полицейских». Оказалось, — и он вынужден это признать, — что свобода личности и общения у нас существует, что за ним никто не сидит и он, Шварц, мог здесь беседовать, с кем хотел, ходить и ездить в любом направлении. Шварц писал о «гонимых» на религию, — он увидел полнейшую свободу вероисповедания, много действующих церквей. Гарри Шварц рассуждал в своих прежних писаниях о «слабости» нашей промышленности, — теперь он увидел ее мощь. Он уверал, что мы живем все хуже и хуже, — а теперь вынужден признать, что условия жизни «за последние десять лет резко улучшились». Раньше он утверждал, будто бы коммунизм держится лишь на темноте и «бездарности» масс, — а теперь пишет с тревогой о большом размахе высшего образования в СССР. Он высказывал опасение, что через короткое время «Соединенные Штаты могут в техническом отношении остаться позади Советского Союза».

Что было делать Шварцу, понабравшему столько затруднительного положения? Можно было бы признаться в своих прежних заблуждениях. Можно было просто и бес-

хитростно рассказать на страницах «Нью-Йорк таймс» американским читателям о том, что он увидел у нас.

Гарри Шварц по-своему понимает долг журналиста и избрал другой путь. Это — путь уверток, вымыслов, домыслов, сплетен, анекдотов. Наряду с вынужденными признаниями Шварц обрушивает на головы американских читателей целые страницы такой «развеселительной» лжи, что она и занимает главное место в его статьях.

Шварц признает, что религии не последуют и церковь открыты. Однако он пишет: «Члены коммунистической партии опасаются, как бы их не увидели на религиозных службах». Значит, мол, нет и свободы религии.

Шварц признает, что советская власть осуществляет равноправие национальностей: насильственной «руссификации» нет, пишет он. В то же время он утверждает: национальные обычаи и особенности в Азербайджане так грубо нарушены советской властью, что в Баку «женщины выходят на улицу с открытыми лицами», и вообще костюмы бакских жителей не отличаются от костюмов советских людей в других городах СССР.

«Однако не все старые обычаи и местные особенности исчезли окончательно», — отмечает далее Шварц. — На главной улице Баку, на доске объявлений, была вывешена такая записка: «Меняю 40-летнюю жену с двумя детьми на двух жен по 18—20 лет». Кто-то, видно, ал подшутил над Шварцем, выдал за текст объявления бордюрный объявлений анекдот.

Конечно, Шварц признает, что советский народ поддерживает миролюбивую политику своего правительства, что «всеякие разговоры насчет возможного свержения правительства беспочвенны». Но тут же он неудовольственно намекает на то, что еще в 1946 году следовало бы сбросить атомную бомбу на СССР...

Нам жаль американских читателей. Они хотят знать правду о других странах, в том числе и о Советском Союзе. Правдивая информация — это одно из важнейших условий укрепления контактов между Востоком и Западом. А такая влиятельная газета, как «Нью-Йорк таймс», преподносит им безответственные, подугрозные рассуждения антикоммунистического злопыхателя Шварца.

Кирилл ДЕНИСОВ

Постановка «Гамлета»

«Гамлет» — всегда событие. «Гамлет» в исполнении соотечественников Шекспира тем более привлекает внимание любителей театра. Гастроли английского труппы, проходившие сейчас в Москве, естественно, стали в течение последней недели центром театральной жизни столицы.

Знавшие о фильмах МХАТ разлагаются при переполненном зале. И вот перед нами замок Эльсинор, решенный художником в условно реалистической традиции. Декорация остается неизменной в своей основе от начала до конца представления, и это в значительной степени характеризует все направление спектакля, бережно выстроеного талантливым режиссером Питером Бруком в рамках реалистической театральной школы.

Исполнители с первого же слова находят зерный, естественный тон. Действие развивается стремительно и истинно захватывает зрителя ясностью рисунка, живостью интонаций, отлично продуманной связью сцен. «Гамлет» — Пол Скофилд привлекает внимание зала с момента появления на сцене. Горькое юное раздумье ошущает в складке рта, в изломе бровей, в добром, внимательном взгляде. Он появляется перед зрителем без лишней многословности гамлетовских штампов, когда исключительность, предвзятость, парадоксальность сопутствуют каждой фразе и позе актера.

События трагедии раскрываются Питером Бруком с неизменным уважением к значению каждого факта. Отсутствие предвзятости в раскрытии характеров остается от начала до конца основным признаком в работе режиссера с актерами. Мы знакомимся с каждым характером постепенно и в развитии действия узнаем те или иные его черты. Так обнаруживает себя лукавый шарлатан Полониус (Эрнст Теннер). Так выступают Локмислей и старосты-корольевы (Диана Уингард). Так под воздействием манер открываются жалкая, эгоистичная и преступная натура Клавдия (Алекс Клуэн), мелкие и стертые души Розенкранца и Гильденстерна (Джеральд Флау и Дэвид Кейсер), робкая, еще спящая, но пылая душа Офелия (Мэри Юр), солдата-прямота Лаврта (Ричард Джонсон), суровая верность Горацио (Майкл Дэвид). И чем больше дарование актера, тем полнее и вернее, следуя режиссерскому замыслу, он открывает зрителю сокровенные черты своего героя.

Текст знаменитой трагедии так хорошо известен советскому читателю и зрителю, что он оценивает каждую оригинальную деталь поведения персонажей, каждый необычный оттенок интонации.

Вот знаменитая сцена «мышеловки». Король и королева заняли свои места перед возмущением, на котором зажег актеры, начав свой представление. Король склонился к королеве, шепнул ей что-то на ухо, она громко рассмеялась, и углубившись, что король шепнул ей галантную скабрешность, и нечто новое открывается нам в этой преступной любви, такой мучительной и оскорбительной для сыновних чувств Гамлета.

Эта маленькая, полумрачная подробность отлично наведена режиссером. Она и объясняет и подчеркивает те тяжелые отношения, которые сложились к этому моменту между героями трагедии, накапливает гнев и боль, горит возмездием.

Отлично использована здесь музыка, своим балансом, карусельным простотушечным откликом, подчеркивающая весь сарказм и жестокость происходящего разоблачения. «Эта превосходно разработанная и точно выполненная сцена не одинока в спектакле. Рядом с нею стоят многие другие, в особенности финальный поединок.

Справедливость требует сказать, что наибольший и заслуженный успех выпадает на долю самого исполнителя заглавной роли — Пол Скофилд.

29 ноября скоропостижно скончался талантливый умуртский писатель Михаил Петрович Петров. М. П. Петров родился в 1905 году в деревне Моношине, Бондюжского района, Татарской АССР, в семье крестьянина-бедняка. Он рано осиротел и с 12 лет батрачил у кулаков.

С 1923 по 1932 год М. П. Петров находился в рядах Советской Армии. В 1928 году начал литературную деятельность и выдвинулся как автор ряда произведений в прозе и стихах и переводчик на умуртский язык классиков русской литературы и современных писателей. Им издано несколько сборников стихотворений, поэм, рассказов, повесть «Перед рассветом» и роман «Старый Мултан». Он был известен и как драматург. М. П. Петров писал о Советской Удмуртии, о ее людях, о социалистическом

Простота и поэзия

На спектаклях английского театра в Москве

Можно говорить о том, что трагическое раздумье Гамлета недостаточно углублено, что в поле зрения Гамлета Скофилда остаются лишь конкретные связи его личной человеческой драмы. Но, как известно, толкования этой роли неслучайны. Нельзя отнять у Гамлета лишь одного — его великой непримиримой чистоты, которая не хочет и не может мириться ни с подлостью, ни с предательством, ни с двоедущим, ни с мелочным расчетом. Эта кристаллическая натура обязана вступить в смертельную схватку с темными силами жизни. Непримиримость, чистоту и свет — вот что должен принести Гамлет зрителю через всю горечь и муки своих сомнений и разочарований. Есть ли все это у Скофилда?

Да, несомненно есть.

Земные, темные страсти, окружающие Гамлета, возмущают в нем поток светлых, но не менее земных страстей. Поэтому и поступок актера естественна и проста, жест скромен, сдержанная мимика, а чтение шекспировских стихов, при отличном знании и музыкальности, сохраняет прозаическую простоту.

Самое же большое преимущество Скофилда в том, что Гамлет его не-постоящему юн, что мудрость его не есть результат прожитой жизни, упокоения и разочарования, в рождена пламенным прозрением светлой и чистой души.

Зрелое режиссерское мастерство Питера Брука позволяет сделать ему несколько критических замечаний, которые, разумеется, всегда полемичны, так как для каждого художника «Гамлет» — материал для самостоятельных творческих размышлений. Думаем, что спектакль в чем-то теряет свою силу именно тогда, когда Питер Брук увлекается отгородкой внешнего приема за счет правдивости и глубины раскрытия жизненного действия.

Так, например, сцена безумия Офелии в какой-то момент становится самостоятельным вводным аттракционом. Если можно так выразиться, сцена эта несколько модернистична по отношению ко всему верному, естественному развитию спектакля.

Быть может, такое впечатление рождается от облика Офелии или патологической болезненности интонаций речи и пения.

Должно ли быть красивым безумием? Разумеется, нет. Но при восприятии подобных жестких сцен у зрителя всегда борются два чувства: увлечение впечатляющей силой действия и естественное, законное отвращение к безнормальности, злощастности. Здесь мера в выборе грима, жеста, интонации решает все. Ведь нашел же Питер Брук сценически острое, захватывающее решение финальной сцены. Сдержанная дворовая дуэль, внезапно срывающаяся в бешеную схватку, передает самую суть события, ни на секунду не отталкивая зрителя натуралистичностью эффекта.

Но, повторяю, право режиссера пробовать и искать — драгоценное право, от которого нельзя и не следует отказываться. Талантливый режиссер так много нашел в этом спектакле, что неизбежные расхождения на поиск не должны надолго останавливать наше внимание.

Знавец опустился. Он открывался вновь, и зритель благодарно аплодирует исполнителю, вышедшему на прощанье. Много раз задерживается и вновь открывается занавес, а зрители все не хотят расстаться. Это успех. Хороший, заслуженный успех молодых замечательных художников, привезших в Москву плоды своего труда и даша старинной английской театральной культуры.

С. ГЕРАСИМОВ,
народный артист СССР

М. П. Петров

Главный редактор В. КОЧЕТОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ, Н. ШАМОТА (зам. главного редактора).